

В год нападения Кьюби

Я двигался по улицам будто оцепенев, пыль вихрями летала по улицам. Постоянно шумная и яркая Коноха будто бы изменилась в мгновение и была неестественно тихой. Все жители были напряжены, старались уловить даже самый слабый шепот.

Отряды шиноби-рейнджеров уже пронесли над наиболее разрушенным районом деревни, так что вряд ли жертвы еще оставались там, а те, кто еще оставался под завалами, в помощи уже не нуждались.

Естественно, я был не единственный, кто настороженно и медленно ходил по деревне, множество гражданских бродили по руинам, которые покрывали чуть ли не половину деревни. Люди были или настолько отчаявшиеся, что их разум просто будто отключился, чтобы как либо справиться с болью, или явно осознающие, что потеряли все, и это все лежало под этими руинами.

По границам этой разрушенной области уже туда-сюда сновали отряды спасателей.

Я содрогнулся, вспомнив ужас прошедшей ночи, однако было немного радостно, когда магические блестящие барьеры из чакры сами собой возникали то тут, то там, отсекая какое-либо ядовитое присутствие демона.

Академия имела чертовски хорошую защиту, вероятно, потому, что именно она станет целью любого запланированного удара по Конохе. Это было логично: сначала школы, потом больница. Через несколько дней - казармы, и тут уже начинается массовая паника.

Оказалось, что приют, в котором я жил, находился в безопасной части деревни, так что мои долгие месяцы подготовки к побегу в результате разрушения здания оказались бесполезны. Я также почувствовал облегчение, увидев Чихиро целой и невредимой, хотя она чуть не задушила меня в объятиях, когда я вернулся в приют.

Мне пришлось подавить назойливое чувство вины, пока она суежилась вокруг меня. Я не мог отделаться от мысли, что люди вокруг меня были реальными, а не вымышленными персонажами. Но все равно я не мог ничего сделать, чтобы изменить их судьбу. А если бы это и сделал, то были бы крайне большие подозрения в мою сторону и моя "счастливая" жизнь могла бы оказаться под вопросом.

По крайней мере, пока я не достиг ранга S. Я был посредственным учеником академии, и мое самостоятельное познание чакры не шло ни в какое сравнение с другими. Но я надеялся, что у меня будет возможность стать достаточно сильным, чтобы не чувствовать постоянной угрозы. Даже бесцельно гуляя, я боялся, что меня похитят агенты Корня.

Оставалось надеяться, что моего не слишком выдающегося выступления в Академии хватит, чтобы я никого из них не привлекал тем, что я выдаюсь чем-либо. Может быть, мне стоит продолжить дружить с Итачи? А может, и нет. Я задумался, вспомнив гигантский, клубящийся Шаринган в глазах Кьюби. У Учихи и так хватало проблем после этого, и я не собирался тыкать в будущую бойню десятифутовым шестом.

Мне и так не нравилась мысль об убийстве случайных людей, но что я мог поделать?

Занятия в академии приостановили на неделю, пока верхушка Конохагакуре-но Сато будет приходить в себя, похороны будут идти непрерывным потоком в течение трех дней, по крайней мере, похороны простолудинов, похороны Хокаге должны были состояться в субботу.

Ожидалось, что на них придут студенты академии. Мне почему-то не понравилась эта мысль. Может быть, это было связано с небольшим чувством вины, которое я испытывал о малейшей мысли о том, что Чихиро может умереть? Я не мог сказать точно и старательно избегал внутреннего анализа своих чувств. Меня это не волновало.

С края запретной зоны я наблюдал, как группа пользователей дотона использует свои дзюцу для переноса людей над железной дорогой, по которой резво мчали вагончики.

«По крайней мере, они могут использовать чакру для чего-то, что не убивает.», - подумал я. Со своего места я мог различить мрачные выражения и суровые жесты. Это были люди, привыкшие иметь дело со смертью, если не с внезапными катастрофами такого масштаба.

Я вспомнил, что Какаши на этот момент было всего четырнадцать. Черт, в моей первой жизни самой большой проблемой, с которой я столкнулся в этом возрасте, было количество сеансов дробки, которые я мог провести за один день, а у него вот такое...

«Нам, наверное, нужно помочь», - раздался голос около меня. Я посмотрел на Итачи, внезапно подошедшего и испугавшего меня своим вскриком. Я наклонил голову так, чтобы, как я надеялся, передать, насколько раздражает меня его внезапное появление.

«Мы гражданские, пока не станем генинами. И если для тебя это формальность, то мне еще предстоит пройти долгий путь. Кроме того, разве у тебя нет дел для Учихи?», - огрызнулся я.

Заметив, как он нахмурился при упоминании его клана, я закатил глаза. Он думал, что я буду относиться к нему по-другому, чуть ли не с благоговением, потому что он наследник клана.

«Я знаю, что у тебя есть младший брат, возможно, твои родители предпочли бы, чтобы ты присматривал за ним, пока они делают то, что могут», - заметил я.

«Моя мать была не в восторге от того, что я возвращался поздно», - сказал он.

Мне нужно было вырвать его из этой пелены, скрывавшей его эмоции, а то говорить с ним в тот момент было как о стенку горох.

«А для всех детей клана есть мокрые няньки, моя помощь только помешает всем».

Я уловил в его тоне нотки, которых не ожидал. Беспокойство. Но не за свой клан, а за меня. Он был таким заботливым ребенком, беспокоился о доме просто сироты из академии.

«Приют был спасен. Даже если бы какой-либо валун прокатился в его сторону, приюту было бы хоть бы хны», - сообщил я ему об этом, и по тому, как он опустил плечи, я понял, что он почувствовал облегчение.

«Хана тоже в порядке», - добавил он.

Что? «Кто?» спросил я, честно говоря, не имея ни малейшего представления о ком он говорил. Кроме самых важных персонажей, я почти ничего не знал о Нарутоверсе. Конечно, редкие объяснения про чакру и техники легко запоминались, но это всегда были самые увлекательные части.

По крайней мере, для моего мозга, зависимого от фантазий. Он коротко взглянул на меня, приподняв бровь, и снова повернулся к руинам перед нашими глазами. Мы оба погрузились в свои мысли.

Я снова задумалась о подтексте истории, которой поделился со мной Итачи. И тут в голове всплыло одно воспоминание. В одном из фильмов о Наруто они путешествовали в прошлое через Хирайшин.

Потенциал фуиндзюцу был виден всем. Но я не знал, был ли этот мир сугубо манга, аниме или смесь всего, включая фэндомы. Но это было то, что я не мог контролировать.

Я отвернулся от вида руин и пошел обратно к приюту. Может, мне стоит сосредоточиться на режиме контроля чакры, пока не будет признано допустимым тренироваться в парке в одиночку.

...

25 мая

Четыре года после нападения Кьюби

Я шагнул вперед и наклонил голову, чтобы избежать джеба, но при этом ударил по внутренней стороне вытянутой руки, что дало мне привлекательную цель для удара, которая так и манила меня ударить по ней.

Я ударил по скоплению нервов, но на этом не остановился, подняв локоть, чтобы перехватить другой, летящий напролом удар противника.

В завершение я сделал шаг вперед, врезавшись лбом в нос противника с силой, достаточной для того, чтобы сбить его с толку, а затем опустил ниже и выполнил удар ногой, будто из учебника.

Хана упала, застонав от боли, и на нее набросились три ее щенка, которые тут же принялись вылизывать ее раны.

Я наклонился вперед и поднял ее с земли, не обращая внимания на забывчивого сенсея: «Победитель - Дайки! И это все на сегодня! Увидимся на следующей неделе на экзамене для гениев!».

Прежде чем он успел подойти и попросить нас исполнить "хреновый знак счастья хиппи", или как сенсей предпочитал называть это примирение, я ущипнул ее за нос и потянул, вправляя его.

Она снова завывала от боли, двое щенков угрожающе зарычали, а третий легонько ударил меня головой по ноге. Он был умным.

Будучи тройняшками, братья Хаймару имели одинаковый серый мех с белой подпушью и короткие заостренные уши и больше всего походили на хаски.

По какому-то тайному обряду Инудзука получила тройняшек месяц назад, и они еще плохо понимали команды. Но, по крайней мере, они перестали писать где попало.

«Если ты и дальше будешь оставлять свое лицо без охраны, я и дальше буду хватать тебя за нос», - заметил я небрежно, после чего сделал знак примирения и покинул территорию академии.